

Повесть «Доктор?»»

**Автор:
Марат Владимирович
Карапетян,
2016 г.**

(Все права защищены)

*Посвящаю
эту книгу Доктору*

-

*Александру
Юрьевичу*

Доктор? Глава 1

В тот день я ходил с чернокожим и абсолютно обаятельным тренером по ремонтируемым улицам города.

Черный тренер настраивал меня на нечто важное. Новый образ жизни. Новое питание... Ровно в 14 лет я возненавидел спорт. А теперь приходилось смотреть на это иначе.

Пока мой ракурс менялся в тот чудный августовский ничем не примечательный день, мы заглянули в бар. Условный бар. Хозяйка, тонкая и нежная красавица, встретила нас манящей улыбкой. От нее исходили флюиды порочной чувственности, приправленные мастерским макияжем. Тренер был впечатлен, но, как истинный сын Африки, мечтал о великом. Миловидная женщина на улице, чем-то напоминавшая немецкую статуэтку высшего качества, показалась мне знакомой. Я улыбнулся, чтобы быть похожим на негра, и брякнул: «Привет».

Мы перебросились фразами. Пять лет я не видел ее, а она стала еще краше. Загадочная русско-армянская душа проткнула меня, и мы стали записывать номера друг друга. 1700 номеров в моем телефоне. Возможно, это единственный показатель моего существования?

С момента прихода ко мне тренера на завтрак в моей творческой и бессмысленной жизни начал пробиваться вопрос: куда я вообще иду? И в прямом смысле. Стопа болела уже месяц. Старость мигала своими синими глазами и предвещала мучительный конец в духе сериалов канала НТВ. Фарфоровая знакомая владела знанием и дружила с символами и звездами. Несколько встреч с ней наталкивали меня на ощущение своей избранности.

Тренер уехал в Италию, оставив на память мне годовой абонемент в спортивный клуб города. Цепь позитивного мышления оборвалась, обращаясь ко мне с вопросом: кто запустит мою программу восстановления? Я, как слепой, впотьмах пытался нащупать контуры кого-то, кому меня должен был

передать *Black Jesus*, взорвавший мою поролоновую жизнь.

Моего отца всегда окружали либо льстецы, которым было нужно что-то получить на халяву, либо бездарности, которые пускали пыль в глаза доверчивому родителю и впаривали в его жизнь, впаривая ему свои нелепые услуги, цена коим грош. Врачи, это порождение дьявола на нашей планете, не были исключением. Отец занимал ответственный пост. Командировки. Изматывающие проверки обэхээсэсников, почти не бравших взяток. Гипертония, язвы и иные следствия руководящей должности били его не по-детски. Шептуны, которые прописывали ему горсти таблеток, лечили его «на славу». Каждое утро он открывал чемоданчик пилюль. Чувствовал себя все хуже. Фронтальная деменция, болезнь Паркинсона, неправильные диагнозы шептунов, сложная семейная жизнь привели его в царство врачей. Последнее воспоминание от общения с «друзьями в белых халатах»: отцу вкалывают дозу

аминазина, которая и лошадь успокоит, а они смотрят на меня и улыбаются...

Деревенская баба, его сиделка, и махонькая старушка из глухой деревни в последний год его жизни своими травами и заботой сделали для него многократно больше, чем банда оголтелых мерзавцев, именующих себя врачами.

Он ушел блаженным и успокоенным. Он снится мне часто. Слишком часто, чтобы я мог забыть о том, как я не люблю людей. В белых халатах. Безмозглых циников. Получивших липовые дипломы. Почувствовавших свою безнаказанность. Творящих беспредел в тюрьмах-больницах. На которых все еще нет управы. Сеющих в сердцах людей страх. В которых нет ни любви. Ни правды. Ни сочувствия. Ни знаний. Ни желания помочь.

И деньги. Ни при чем.

Доктор? Глава 2

Молодой человек может быстро стать старым. Музыкант может быстро стать халтурщиком. Милиционер может быстро стать взяточником. Молодая девушка может быстро стать курицей. Молодой директор может быстро стать звездой местного разлива. Молодой учитель может быстро стать брызгой. Молодой врач может быстро стать бизнесменом.

Нет!

Врач не может. Потому что в этой цепочке размышлений, как, впрочем, и в цепочке жизни, врач — последний. И если его заботят деньги — врача надо увольнять. Ибо главное уже не врачевать, а ворочать деньгами. Выбирая профессию врача, нужно понять, что это миссия. Как жизнь священника или рок-музыканта. А в противном случае нельзя делать этот выбор. Если в глазах юного врача уже на вступительных экзаменах не виден лик Иисуса, если агрессия и раздражительность живут в его сердце, глаза горят алчностью, НЕОБХОДИМО отсеять такого неврача. Ибо только горе и

несчастья принесет людям, поимев их деньги как плату за их же доверие. И откроются перед ними Врата Ада, распахнутые Врачом Врущим и Вредным. Раньше за этим следили на уровне внутренней морали, но разве есть мораль в стране, где данное слово можно забрать не стесняясь?

И когда страх ушел из сердец россиян, после смерти Сталина и Краха империи пустоту заполонила алчность. И Врачи стали Врагами.

Мой отец жил, теряя здоровье через Врагов. Мое маниакальное недоверие сохранило ему жизнь на 5–6 лет, но разве это хоть как-то успокоит? Мама долгие 20 лет была рабыней Врагов. Я вырвал ее из лап мутантов. И вот белые щупальца Врагов докатились и до меня. Безликие бегающие глазки, «ощупывающие» тебя с одной мыслью — сколько у него попросить бабла? — тухли, видя мои смешные кроссовки и мятые брюки, в которых я специально приходил на битву с оборотнями этого мира. Не пил их таблетки, не следовал их рекомендациям.

А верил своему брату и гитаристу.
Который лечил меня и спасал ото лжи.

Но он не всемогущ.

И тогда я взмолился! Боже, пошли мне Доктора, которому я буду верить! Ибо злость и желчь, ненависть и желание мстить за потерянного родителя накрывают с головой и не дают дышать.

Потому как невозможно не верить тому, кому только и надо верить.

1 сентября я вызвал такси и с отвращением ехал в непонятное мне место, чтобы встретить нового Врага и отсесть ему его невежественную никчемную голову.

Доктор? Глава 3

Водитель в тот день не работал. Дежурил в пожарке. Такие дни для меня — время общения с таксистами, а это, как окно в мир. Бесконечный мир. Я очень чувствителен к запахам. Помучил своего водителя — приучил к парфюму. А сейчас ему нравится.

Серое утро отражалось в тусклом лице местного таксиста, который уже умер. Таксисты столько тысяч раз через пассажира, сажащегося в машину, чувствуют на себе иную ауру, что своей у них просто нет. Вот отчего их как будто нет в машине. Новенькие, еще живые, пока еще разговаривают, а опытные давно уже на огромном кладбище надежд. Ведь в начале пути таксист питает надежду, но из тысячи пассажиров 9 человек всегда вампиры... Оттого для меня вызвать такси — как будто заказать поездку с мертвецом. У этого ауры не было около двух лет. Простое и неяркое лицо, радио «Шансон», запах нелюбимого мужа... Зачем я еду к этому доктору? Почему я вчера не сказал свое коронное «Нет»?

Ведь я договорился с собой в далеком 1999 году уметь говорить «нет». Это всегда играет со мной злую шутку. И приводит к глубочайшей печали и тоске. Я знаю себя. Может, оттого я не говорю «нет», что хочу еще родить новые чувства и не становиться Арт-роботом?

Арт-робот — совершенная машина XXI века. Это я. Скоро я им стану. Кнопка: восторг. Кнопка: разочарование. Кнопка: кайф. Кнопка: творчество. Заедает? Не работает?! Эта кнопка не работает? Не, ну а как? Арт-робот — это не Арт-раб. Похоже на Арбат, где я провел в рабстве 9 месяцев год назад. Мои хозяева — Непрофильные активы. Отпустили меня на волю.

Иду по коридору, линолеум, бахилы, вывески ударного содержания на дверях без цвета. Шепчут: «Беги отсюда». А я иду.

В конце коридора стоял мужчина плотный и живой. Он порывисто обернулся и произнес мое имя.

Он был в кителе. Оливкового цвета. Темном. Его лицо излучало многовековую историю человечества. Антропологи с

удовольствием оттяпали бы лицо его для изучения. Глаза-угли. Голос-рокот. Лоб-лист. Юноша-мужчина. Отрывистый ритм слов. Смущение, завуалированное под мудрость. Я увидел в нем своего несчастного отца, который так и не нашел себя, обратившись в ребенка. А плохо ли умереть, не осознавая этого?

Почему этот чудо-Доктор еще жив? Почему он голосит, как юноша? Откуда в нем столько юности? И желанья жить и творить? Почему его не затерли льды банальности и тщеславия? Отчего на его молодом лице столько затаенной грусти?

Он нелюбим. Это было видно сразу, но таких, как он, любят. И сильно. Он не может себе позволить любить. Как я. И режет льды людской тупости, лечит болезнь, а не боль, вдыхает в больных себя, а не продает свое время по часам. И готовит свой ледокол для чего-то важного. Он может совершить нечто крайне важное. В нем живут демон и ангел. Все больше и больше, слушая его, я прорубался в его нечеловеческое обаяние. Он был так похож на меня, что это смутило меня. Я стану здоровым, чтобы дать Доктору новую Победу.

Его жизнь трещала. Он открыл мне свои беды. Мы слушали, как я пою песню «*The Doors*». И тут все встало на свои места. Ведь песня Джима «*When The Music's over*», самая главная для меня песня, все ставит на свои места. Он сам, и только сам, Творец Своей Жизни. Величественный и совершенно одинокий. На вершине своих открытий и откровений.

Он втыкал в меня иглы, радуясь, как в первый раз, когда попадал куда хотел. С упоением говорил о горькой печени, почках-батареях, селезенке-матери, сердце-отце. Я просто вставлял образы в его сумбурную эпическую речь. И это поражало его. Некто понимал его сразу и уточнял и углублял шквал его мыслей. Он сбивался, шутил, ахал, впадал в печаль, в неистовую иронию, в смешную агрессию, во внезапную ярость. Я думал о том, что он последний ледокол, который мне довелось встретить на этом свете. Но он плывет очень медленно. Почему?

Я люблю играть с аббревиатурами. Первые буквы его имени, отчества и фамилии — АЮД. Шутки ради я перевел их на английский, как мне показалось,

верно. И ответ настиг меня. Глубоко и мгновенно.

АЮД — *Are You Demon?* Я буднично транслировал свою догадку в форме вопроса: «Доктор, а ведь ты сам демон»? Не думая, нарочито по-мужицки, он ответил: «Ну да. А как же»?

Доктор? Глава 4

Детство Доктора прошло почти в Японии. Много раз он смотрел на океан, за которым скрывались его любимые два острова. Мама его говорила ему, что он вырастет и поедет туда. В тот день у них дома гостила родня. Они пили и говорили тосты, от них Доктор унаследовал любовь к алкоголю, который всегда был к месту. Открытый по природе, он с детства тянулся к новому и дивился тому, как скуден мир и желания окружающих его ровесников. Если зачесать волосы доктора и постричь в духе, модном в СССР, он похож на друга Маяковского, а если обрядить его в простой китайский китель — похож он будет на бастарда из знатной китайской семьи, чей глава согрешил с русской официанткой.

Речь Доктора уже в юности была, как рябиновое дерево с привитой веткой груши. Его порывы поражали породистых парней, переживающих падение предводителей Партии. Мама любила своего резкого и точного, подающего туманные надежды сыночка. Доктору казалось, что все подвластно ему. Даже

рыбы слушали его и ловили его лиловый взгляд. Как маленький принц, он ходил по улицам города, запоминая детали и форсируя свой нестандартный стиль мышления. Чутье вело его по пути, сутью которого было утверждение, что ВСЕ подвластно творцу Нового...

Доктор смотрел в зеркало на себя, оставленный надеждой на победу в схватке с ловушкой, которую сам для себя приготовил. Он был оплотом и рабом своих желаний, красота и страсть были выше его мудрости и строгости. Оттого в мешках под глазами поселились невидимые черные точки, они были свидетелями его бессонных ночей.

Уже без надежды принимал он Пациентов. Падших, пустых, переживающих падение после похабного пира похоти. Просящих о помощи. Переживающих поражение от проникновения поражающего порока. Печальных и по-русски проникновенных.

Это трогало Доктора, но все меньше. Его счастье улизнуло от него. Он впустил в свою жизнь одну мелкую душу, потом

другую, а потом суетных дней взметенный карнавал растрепал страницы его книжек.

Его младшая дочь, беззаветно любящая отца, напоминала ему о том, что он жив. Недели, спрессовавшись в месяцы, оставляли Доктора наедине со своим капканом. Нога кровоточила сильно. Он мог вытащить ногу из петли, но зачем? Куда идти на здоровых ногах? Туда, где был? И туда, где всегда плохо? Его дом навеивал на него больше ужаса, чем может представить призывник перед походом в военкомат. БГ поет: «Я возьму свое Там, где я увижу свое». А где мое? Доктор раскидывал свои карты-телефоны. Все женщины, которых он знал, были то ли глупы, то ли мелки, то ли страшны, то ли умны, то ли просты, то ли сложны. Он ждал свежего ветра так давно, что отчаялся его учуять.

Надвигался очередной день рождения. Как его отметить? Отметить ли?! А что отмечать?

2 сентября — странный день. Может, поголодаю в этот день? Это принесет новые чувства? Энергии будет больше, и она усилит печаль?

Таким я нашел его в тот день. Его рождения. И сказал ему, что чувствую. Что он напомнил мне отца. Что его беды — лишь вызов. Что усилия важнее результата. Что жизнь любит смелых. Что любовь — это война. Что умереть надо на сцене или в постели с той, которая любит тебя таким, какой ты есть. Что стереть ненужного человека важно. А согреть неблизкого ужасно. Я сказал ему то, что хотел бы сказать отцу.

И его веселые потухшие глаза стали превращаться из коричневых в карие. Легкие искры осветили кладбище его надежд.

Утром мне надо было ехать на беспросветную встречу с псевдоинвесторами. Я много думал ночью и решил в 7 утра написать ему большое СМС, где выразил то, что чувствовал. Он просил творить с 6 до 8 утра: он считал, что лишь утро — настоящее время для созидания. В ответ пришло мгновенно истинное эпическое СМС от Доктора.

3 сентября. Песня Шуфутинского. Он поет «Ведь было все у нас всерьез 2 сентября». Мы переписывались уже 30

минут. Он был старше. И моложе меня. Он не спал, как и я. Неужели я встретил мятежный и великий дух в городе, где разбились мечты?

Я смотрел на появляющиеся в моем айфоне предложения от него, и в один прекрасный момент мне показалось, что это я пишу сам себе с его телефона...

Доктор? Глава 5

В тот воскресный день в суде было очень суетно. Сотни больных бодрились у входа и пытались пройти на заседание. Но лишних билетов уже не было. В суде давно поняли, что Сегодня будет столько больных, что вместить их проблематично. Билет в зависимости от ряда стоил по-разному, но в среднем около 40–50 американских рублей. Увидеть процесс над злодеями, и самое главное — увидеть Судью!

Больные строем заходили в величественное здание суда с колоннами. Для их удобства даже организовали небольшой буфет с соками и кофе, но были и те, кто покупал невесть откуда взявшийся коньяк. Прозвенел третий звонок, судебное заседание стартовало.

Прокурор, синий, как ночное небо, возвестил о начале процесса. Обвинялось в непреднамеренном убийстве одной известной в городе женщины Лживое Сердце. Оно остановилось внезапно. Без всякой причины. Без каких-либо предупреждений. Без признаков болезни. Все документы по сердцу были в норме:

кардиограмма, эхо, данные артериального давления. Больная-небольная нервничала порой, но ведь это не повод не работать сердцу! Тем более вставать. Останавливаться! Сердце в своих показаниях не раз отмечало, что оно просто взяло минутный необходимый и абсолютно важный перерыв в работе, но заспалось...

Оно было в клетке для обвиняемых. Оно было грустным и слегка потерянным. Сердцу грозила пересадка в новое тело, а это было смерти подобно. Сердце любило хозяина и хотело умереть вместе с ним. Первым на допрос прокурор вызвал Горькую Печень. Печень, одетая вполне по моде, выглядела моложе своих лет. Приятным и отдохнувшим голосом печень дала показания, что не раз предупреждала Сердце о возможности передозировки токсинами, но фильтры, установленные Природой 50 лет назад, в целом были в порядке. Больная-небольная жила веселой, но точной жизнью.

Вдоволь спала и порой даже давала промыть фильтры чистой питьевой водой. Больные радостно вздохнули. Многие из них пили воду, не беря в голову, что их

система фильтрации почти уже не работает. Им бы поставить печень на капитальный ремонт. Но это другая тема для размышлений.

Вторыми свидетелями были Близнецы-легкие. Они одинаковыми голосами твердили, что дыма в них было немного, хозяйка часто была в прокуренных залах ресторана, но сама баловалась изредка только кальяном. Речь Близнецов была скучной. С Лживым Сердцем они почти не общались. Кто-то в зале закурил электронную сигарету. Это осталось почти незамеченным.

Третий свидетель, Мудрый Мозг, на заседание опаздывал. Адвокат, пользуясь случаем, зачитал привычным голосом, что его клиент никогда в больницу ранее не попадал, никаких рубцов и иных проблемных вопросов в его жизни и поведении не было.

По регламенту Суда Здоровья ровно в 11 утра должен был появиться Великий Судья. И в течение 9 минут приговор должен был быть пронесен через мысли людей и реализован мгновенно. Операция

по пересадке Сердца шла прямо в суде. Обычно.

Раскаты музыки раздались в зале. По лестнице к своему месту шел Судья. Одетый в оливкового цвета китель, зеленые плотные брюки, небесного цвета кроссовки с белыми, как соль, шнурками. Его глаза излучали невероятное понимание. Он был грузноват, как медведь, которого разбудили. И бесноват. Как волк, знающий, где пасется томная косуля. Судья, похожий на сына последнего самурая, подошел к клетке, долго смотрел на Лживое Сердце. Внезапно, как от сильной боли, он уронил тяжелую голову на грудь, сжал кулаки и утробно завыл. Больные встали. Кто-то схватился за сердце...

Доктор проснулся от своего тяжелого сна. Он заснул стоя. С ним такое бывало и раньше. Заснул на 40 секунд. В это время его новый пациент, которого он шутливо называл то Джимом, то Демонном, то Доктором, лежал и слушал через колонку группу «*Dead Can Dance*». Доктор был в восторге от этой музыки, от голоса пациента, от его любви к рок-

музыке. Доктор увидел себя в зале суда и проснулся от страха. Ужасного открытия: Сердце не может быть виновато. Судить надо Время! Но его никто еще не смог доставить в Зал суда. Время не подчинялось. Никому и нигде. Время было сильнее Закона. Сильнее Любви. Сильнее Доктора.

А если этот осколок иной культуры, этот Джим внезапно умрет? С кем я буду слушать музыку и разговаривать о своих кошмарах? Кто будет смеяться надо мной? Весело и без напряжения.

Вздых Доктора разбудил пациента.

«Я тебе запрещаю нервничать! Нам не нужен стресс! Не общайся с теми, кто не нравится!» — Доктор почти кричал, заглушая мотор, питающий огромную банку на печени пациента.

«Я и так почти уже не общаюсь. Я же здесь», — ответил ему я. Кротко.

И его несчастные глаза повеселели. Он заговорил о женщинах и стал снова смеяться над своими бесконечными открытиями этого чудесного мира.

Доктор? Глава 6

В жизни Доктора много идей. Много мыслей. Всегда было так. Но реализовывать идеи было непросто. И он просил. Доктор бурлил энергией и эмоциями. И это было очень притягательно. Именно эта энергия, помноженная на открытия, совершаемые Доктором практически ежедневно, делали его абсолютно обаятельным. Все это было приправлено его сияющими глазами, пившими печаль твоей души. И еще он был открыт. Неосознанно открыт. И в храм его души заходили все кому не лень: поклонники его мамы, ушедшей от безвольного мужа, приятели по школе, институтские инженеры-собутельники, коллеги по рутинной работе, редкие и частые красавицы. Но в его обитель никогда, почти никогда не заглядывал человек, которого Доктор так ждал. Этот самый человек был где-то рядом.

Доктор догадывался о причинах. Он был порочен, порывист, полон прекрасной печали, переходившей в полную пустоту. Когда он с жаром спорил и выигрывал у тех, кто слабее, — это его быстро

разочаровывало, а сильного соперника он найти так и не смог. Вернее, смог, но они были сильны в чем-то одном: математике, физике, спорте, но в общем — он всегда побеждал их.

Тогда Доктор ринулся, как только ему стукнуло 14 лет, в область любовных побед. Чем-то похожий лицом на Владимира Маяковского, он с юности понял, как тронуть сердце фригидной красавицы. Ему нравилось будить в ней ее естество, заставляя оживать ее глаза под мерный перезвон его фрикций. В те секунды мужского становления он чувствовал себя реаниматором, но через 15 минут после окончания любви, а потом и через 10, а скоро и через 5 ему становилось скучно. Он искал женщину, а находил самку. Нечто важное ускользало от него. Раз за разом оставляя его в дураках. Расслабиться, чтобы понять. Экспериментировать и найти. Пробовать эту жизнь на твердость. Печень Доктора, впоследствии ставшая объектом его исследований, верно и безропотно сносила его алкогольные путешествия. Два часа хмельной радости приносили Доктору немало новых впечатлений. О том,

например, что закат на стадионе прекрасен, женская грудь по своей красоте не уступит рассвету, пиво ускоряет действие водки так быстро, что трудно успеть поймать точку невозврата.

Доктор стремился к гармонии. Которая отображалась для него в точности. Точность могла обуздать его деструктивный мозг и спасти его от пучины беспричинной тоски и тревоги, в которую он прорубался за две минуты, а выходил из которой двое суток.

Цифры стали его новыми друзьями. Близкими. Они были равны ему. С ними было непросто, управлять ими было позволено лишь тем, кто знал волшебные символы. Ночью, когда все засыпали, доктор надевал свой волшебный колпак и становился повелителем цифр. Он играл с ними, строил их в стройные уравнения и длинные шеренги цифр, встроенные в логику его недюжинного ума, уравновешивали хаос его жизни. Они не уступали доктору в логике, они были холодны, но, когда удавалось понять, как их расположить, и задача была решена, самая главная Финальная цифра, как

желанная и сладкая женщина, в порыве молниеносном распахивала свои объятия, оплетала своими длинными символическими ногами несокрушимую плоть доктора и в секундном порыве отдавалась ему.

Доктор балдел от тишины и мудрости цифр, от их величия и от их силы. Он даже стал учиться писать цифрами. Девять цифр и ноль. А нот всего семь. Итого семнадцать. В семнадцать лет доктор познал утраты... Но его тянуло вверх. Как Икара. К цифрам. Они манили его.

Они обманули его. Чтобы быть волшебником, нужно жить в Великом городе. В институте его окружили мелкие души. Цифры для его сокурсников не были магией. Тогда уже доктор ощутил свою шаманскую сущность. Песни «*The Doors*», сочиненные шаманом Джимом Моррисоном и сыгранные органистом-математиком Манзарекком, влекли его. Где найти баланс между точностью и волшебством? Где найти фильтр, отсекающий шлак, хлам, страх, страсть, стыд его безмерной души? Кто решится на

это? Женщина? Увы. Они плавильсь много быстрее его ожиданий.

Приятели — они боялись его необузданности и дикой решимости.

Моя любимая группа «*The Beatles*». И главное, что они распались вовремя. Но друг без друга они потеряли волшебство. Без Маккартни Леннон потерял красоту и насыщенность музыки, а Маккартни без Леннона потерял золотой фильтр, который очищал его избыточную красоту от пафосного хлама. И тогда в этом равновесии рождалось чудо. Гармония.

«Я похож на Леннона. Мне кажется. А мой гитарист на Маккартни», — на пыточном столе вещал Пациент.

Доктора шарахало, как от внезапного оргазма. «Этот бес опять читает мои мысли. Бес».

Я рассказывал Доктору о Битлах. В его глазах застыло облако. Чудесным образом он замолчал.

«Самый важный день года скоро — 9 октября. Джон родился в этот день. Это его любимая цифра. Моя тоже», — я говорил с закрытыми глазами,

истерзанный банками и иголками на моем теле.

Доктор ощутил забытое ощущение. Девятка, распорядившись по-хозяйски в ногах Доктора, своим хоботком потянула за могучую шею и властно притянула его голову к своему цифровому лицу. Глаза Леннона призывно улыбались Доктору. Он ощутил такой порыв, что бросился на эти глаза и нашел такой ожидаемый толчок и вдохновение, и ответ, что и сказать трудно.

Девятка прошептала на ухо Доктору: *«All you need is love»*. Обессиленный и счастливый, Доктор уснул.

Утром он пометил в календаре 9 октября.

Он готовился к этому дню. Этот странный парень, его юный Пациент, посеял в его сердце Надежду. И она тянулась к этому числу.

«Ровно в 9 вечера 9 октября выпей 9 тостов за то, что важно»... Это Пациент сказал Доктору тогда.

В 6:45 Доктор проснулся от тревожного сна. И, глядя на экран

ненавистного телефона, прочитал японскими глазами: 9 октября. Джону сегодня было бы 75 лет. У тебя есть время. Есть время. Есть время!

Он возвращался в эпоху своих свершений. Быстрее, чем он думал. Через Девятку.

Доктор? Глава 7

«Быть в центре событий и нравиться людям непросто, но без этого не проживешь», — шепнула на ходу в ухо Доктора мама, которую он обожал. Стремительная и яркая. Как машина *Ferrari*. В самом большом ресторане самого далекого порта России самая интересная и бодрая мама в мире работала главным администратором.

Доктор был похож на мать. Нравиться людям быстро и сразу он учился у нее. Но она нравилась всем не просто сильно. Навсегда. Этого Доктор еще не умел. У него болело ухо. Он заглянул по старой памяти в портовую больницу. Ее построили японцы.

В ожидании приема лор-врача Доктор заглянул на одном из этажей в пустующую палату. Было лето, и больных было немного. Океан призывно ласкал слух своей неотвратимостью. Доктор обратил внимание на толщину и массивность палатной двери: она резко диссонировала с ветхостью всего, что было в палате. Мимо палаты вразвалку шел то ли завхоз, то ли слесарь:

«Красивые двери?» — «Где вы такие купили?» — спросил Доктор. Технический сотрудник пробормотал (от него слегка разило пивом): «Так это японцы еще после войны сделали. Это на века. Маде ин Джапан» (с ударением на второй слог). Доктор хохотнул и подумал про себя: пожить бы в этой палате пару суток. Дверь не пропускала ни толики шума, все удобства были в этой замечательной морской палате... Рай.

Ухо ему не вылечили, но в городе были китайцы, которые воткнули в каком-то подвале в доктора иголки, что-то потеряли, и через пару дней все забылось, только после самолета больное ухо отходило долго, когда Доктор прилетел в Столицу. Получать свой диплом. Теперь официально он был повелителем цифр. Жизнь представлялась очень даже интересной...

Доктор вспомнил о маме, что-то его настораживало в ней. Ее новый муж, который был ненамного старше Доктора, ходил какой-то грустный. Может, мама снова влюбилась? Она была очень чувственной женщиной. И быстро остывала даже к мужьям...

Я привел доктора в театр. Пьеса была унылой, мы ушли и бродили по городу. Со мной здоровались люди. Я музыкант, и поэтому они, видя меня, делали это как бы автоматически. Доктор в присущем ему индуктивном стиле, как мантру, повторял: «Тебя все любят, ты должен стать мэром. Мэр Мэрат». Мы шутили.

В одном баре я поиграл на гитаре. Хозяин подпал под обаяние Доктора. Когда Доктор смотрит на человека, он видит его органы. И вступает с ними в контакт. Сам собеседник, ошарашенный мгновенными диагнозами Доктора, обычно кивает головой и бормочет: «Да, согласен, я тоже об этом думал». А когда Доктор начинает излечение в Форме Шаманских Фраз: «В понедельник голодаем на травах, жар из печени уберем арджином, а поджелудочную так просто не возьмешь: нужен чай из снежной орхидеи», — будущий пациент без прелюдий испытывает состояние молодой еще не затасканной девушки, испытывающей такой долгожданный и внезапный Катарсис. Причем публичный.

Доктор внезапно встает, и мы уходим. В другой бар. На входе тонкая и порочная красавица прижимается ко мне очень нежно, но сильно. Доктор смотрит на нее, и его глаза загораются: «Очень красивая. Как моя мама. Невероятно. Богиня».

Девушка опускает глаза. Ей часто делают комплименты, но другие. За одно такое слово, так долго ожидаемое, усиливающее понимание Женщины в мире Кабака, девушка на многое готова. Меня на входе ловит стройная женщина с грустными глазами и бросается мне на шею. Через 5 минут — я тамада. Доктор увлеченно объясняет соседке-блондинке, как работает ее желудок, ненавязчиво поднимая свою руку к ее груди и как бы случайно лаская ее. В этот момент он пристально смотрит девушке в глаза своими 400-летними глазами с нависшими, как у филина, бровями. И улыбается. Водитель увозит нас от пьяной компании. Они могут пить долго. А нам желательно заснуть до 23 часов. Доктор нарушает режим. Но ему можно.

«Я начинаю любить жизнь. Как когда-то. Спасибо. Мэр. Ты мэр» — бормочет Доктор. У моего давнего товарища такая же фамилия. Он еврей.

«Может, я еврей?» — спрашиваю. Доктор смеется. И радостно кивает.

Сейчас он вспомнит про детей, которые не с ним. И расстроится. Пять детей. Как пять пальцев. Трудно играть, не имея пальцев. Одной руки. А другая рука — дурная жена. «Друг, дорожи мамой. Она у тебя чудо. Просто чудо».

Я трясусь над матерью. После инсульта прошло 7 лет, но я никак не могу забыть, как ей ставят диагноз: вместо геморрагического инсульта гипертонический криз. Я еду ночью из Москвы, ору на упыря из Скорой типа Помощи, знакомый доктор по телефону спросонья бормочет, что, возможно, это инсульт. И мы едем по ночному городу, и в одной из больниц безжизненная мама остается с уже правильным диагнозом. Я ставлю с раннего утра караул и охрану и успеваю ее спасти...

Теперь мой верный водитель следит за ней. Ежедневно. Он хороший сын. Своей матери он не успел помочь. Она

потеряла ногу. Он просто офицер и верит вывескам. Уже много меньше, чем раньше.

Доктор смотрел в ночное окно. Он был привязан к матери. Слеза выкатилась из его правого глаза. Его тогда сорвали со встречи внезапным междугородним звонком. Молодой отчим заламывал руки и, в соплях, долго и бессвязно, пытался рассказать, что маму Доктора заперли после капельницы в Лучшей Палате Лучшей Больницы Лучшего Города. И медсестра забыла. Про это. И чем-то увлекалась. Может, ей вручили билет на минет. Других билетов вечерами в больничках не выдают. Мама не смогла вырваться из темницы. Закрытой на самую лучшую дверь. Которую. После. Войны. Сделали Японцы. 30 минут вскрывали эту дверь парни из больницы. И нашли бездыханное тело матери. На полу. Кто-то кончил. В это время. Медсестра унеслась под потолок. А душа мамы унеслась в океан.

Доктор смотрел на ту Самую дверь. Двери. *Doors*. С тех пор он не любил

закрытые двери. И ключи ему стали противны. И замки. И Врачи. Неучи. Зачем я считаю что-то, если люди умирают от элементарных ошибок и неведения?

Что может быть точнее работы органов? Китайский доктор на похоронах обнял доктора и прошептал: «Мы бы ее спасли». Дождь бил в глаза доктора. Водка напоминала полынь. Доктор с пьяных глаз стал писать аббревиатуру своего имени, но почему-то пропустил отчество. Отца ведь не было тоже. В живых. И без отчества получилось — АД.

Доктор встал. И спросил себя в зеркале: «Помочь людям и спасти людей — не к этому ли я иду всю жизнь? И без этого — Я — Ад».

Я пригласил доктора на хаш. Ритуал. Армянский. Мы поминали моего любимого отца. Давление Доктора падало. День памяти папы впервые за 6 лет не терзал мое сердце. Мы встретились с девушкой, которая нас познакомила. Даже шутили. Вечером после сеанса физиотерапии я ужинал с мамой, нарушая режим и вспоминая отца. Задремал. Около

23 ч — говорил айфон — я пропустил звонок водителя. Я перезвонил. Наверное, хочет отпроситься, помочь родителям: заканчивался дачный сезон. Глухой странный голос водителя с усилием произнес: «У меня сейчас мама умерла».

Я замер. Моя мама со страхом взглянула на меня. Водитель сказал, что врачи скорой помощи вкололи его матери что-то. И она ушла. В день смерти моего отца. Мой водитель вышел на работу 6 лет назад. В этот же день. И сегодня потерял мать.

Господи! Пошли же быстрее расплату для убийц в белых и синих халатах. Ибо нет сил терпеть и смотреть. Надо собрать Их Всех в Огромный Самолет. И пусть Самолет. Улетит.

Доктор? Глава 8

Тихо живет тихий город в тихих мечтах о чем-то громком. Тихо пересказывают громкие городские новости в тишине тихолюди. Тиховечер под тиховодку тихо тихнет. Тихоня Тимофей трогательно теребит тихую торжественную Татьяну в томном тумане трактира.

Доктор попал в тихий город. Попал сам. Выбрал его. Вопреки. Своим отнюдь не тихим амбициям. В жизни любого великого Доктора есть два пути в возрасте около 40–42 лет: либо резко вверх, и только вверх, либо тихо и быстро вниз. Ведь когда бежишь вниз и когда масса тела большая, как у Доктора, ноги сами бегут. И все больше скорость. Ветер все сильнее. Пока не упруешься в тупик. Своего выбора. Доктор уперся в тупик довольно давно. С упорством, достойным лучшего применения, он совершал ошибку за ошибкой. Как пьяный. Понимая, что дальше Ничего Хорошего не будет, продолжал по-русски нестись вниз. «Авось пронесет!» — кричал он своим

коллегам. Тихим и трепетным в своей томной тормознутости. «Будет и в нашей клинике праздник», — в утреннем угаре, подкрепленном шоколадкой, взывал Доктор к сердцам мертвых. Но ответом были лишь потаенные улыбки в усы, да абсолютно разбитые мечты. Километры СМС он отправлял своей никчемной буйной подруге, которую он сыскал на заплеванном полустанке быдло-жизни. Он писал в них о своем, о Вселенной, о Важном. А она их даже ни разу не поняла, кроме слов: я, ты, завтра, деньги, тысяча, машина, уеду, приеду. Он столько лет метал бисер перед свиньями, что перестал различать людей, которые ходили по улицам.

Причиной того, что он превращался из Творца в Ремесленника, была его неосуществленная мечта покончить с собой. Его дети, прекрасные дочки, не особо суровый добрый сын, как якоря, как иголки, воткнутые в его пальцы, державшие пистолет в собственном рту, удерживали его от Поступка.

Доктор перестал совершать Поступки. Он стал тяготиться собой.

Тщетно глядя в сотовый раз в свой гороскоп, он искал себя в одном Доме, находил себя в другом Доме. Искал причины. Находил совпадения. Встречался с пришлыми. Пил с пошлыми. Возвеличивал прошлое. Уповал на дохлых. Жаловался духам. Читал мудрые, а не великие книги. Смотрел красивые, а не жесткие фильмы. Он гладил жизнь, а она била его. Жизнь хотела настоящего Доктора, а не его Тень.

Дети и самка требовали денег. И он стал искать их там, где их нет. В тихом томном городе. Друзей у Доктора не было, потому что у него не было Времени. Дружбы на расстоянии и без настоящего общения не бывает. Ведь гитара, на которой 5 лет не играешь, не строит, гриф погнулся, струны заржавели. Чудаки, которых он привлекал порой своей неведомой их тихому сознанию мощью, сами нуждались в поддержке. Их общение с Доктором, которое жило около 1,5–2 месяцев, автоматически сходило на нет. Тихо угасая, как мысли местных бизнесменов о новом Большом деле. Из породистого белого прекрасного

арабского скакуна Доктор почти незаметно превращался в местного маститого меркнувшего мерина, с фирменной фразой-ответом: «У меня дети».

Может, и я такой? Буду. Все может быть. Но жизнь любит смелых. Я привел Доктора на свалку. Связал его руки своими фразами. Заклеил его рот своим взглядом. И отчетливо произнес:

«А может, хватит искать в чужих книжках, гороскопах, фразах свою Жизнь?! Может, настало время написать Свою Книгу, создать Свой Гороскоп, построить Свое Небо? На котором мы Сами Будем Сиять. Указывая Путь. Тем, кому он нужен?»

Доктор дернулся, но его рот мучительно выдохнул: «Готов». Я хлестал Доктора быстрыми и некрасивыми фразами: «А начнем мы с Книги. Глава в неделю или быстрее. Я тебе. Утром. Ты мне — или наоборот. Или все тщетно!» Доктор поднял голову. С его серого лица вниз падали наросты той угрюмой маски, которую на него ночью 9 лет назад надело существо со дна этой жизни, приклеив

маску Терпилы к его лицу своей волшебной похотью.

На меня теперь смотрели два Доктора.

Один еще хотел умереть. Другой уже хотел жить.

Теперь мне будет веселее. У меня же два Доктора. Шел 22-й день нашего знакомства. Утром 23-го дня от начала нашего знакомства Доктор получил от меня первую главу. Время проснулось, вонзило в Доктора тысячи игл. Его руки стали немного нервно, но уверенно бить по клавишам дурацкого гаджета, который ужасно глючил, но как-то работал.

Доктор написал первую главу. Вышел на балкон. Посмотрел вниз с девятого этажа. Выкинул спокойно мерзкий компьютер, на котором было написано мало чего путного. Одел пока еще свою одежду и вышел из дома. Улыбаясь и не спеша.

Доктор? Глава 9

Мне приснился сон о том, что меня поймали и посадили в колонию. Потом мы со знакомым банкиром устроили взрыв и сбежали. Обычно я сны забываю, но из этого я остро запомнил, что все равно меня поймают, и самое ужасное, объявят в розыск, заведут уголовное дело, и... я не смогу устроиться на работу. В большую корпорацию. Вот это бред. Все же тщеславие терзает меня не по-детски. Оно не дает мне жить. Я все думаю, что я кому-то нужен. Мне все кажется, что я рок-звезда. Поэтому меня хотят найти, спасти, увезти. Прости меня, Доктор. Я все еще тщеславен.

Доктор грустно улыбнулся. Его терзала жизнь. Как безмолвный спартанец, пригревший лисенка, который жрал его внутренности, он не мог орать, так как это оглушило бы его детей. И расплачиваться За это приходилось его сердцу.

Доктор так хотел увековечить себя, что начал сбиваться с ритма. Он и так очень торопился по жизни, но чувство

неминуемой гибели пришпорило его многократно сильнее, чем когда-либо.

В тот злосчастный день, когда стало ясно, что его дни, по мнению врачей, сочтены, он сделал два важных открытия и вывода: он сам вылечит себя, ему нужна семья. Это было быстро, четко и по-мужски.

Доктор обладал несомненным чутьем касательно себя. Будучи физиком по сути, он был дружен с логикой процессов. Он знал, когда он заснет, что он скажет через 5 минут, кто ему понравится и когда он сам возьмет власть над этим человеком. Ему нравились быстрые победы. Но все реже. Он влюблялся. Но все реже надолго. Его хватало на 2–3 месяца. Особенно ему нравилось смотреть на то, как подрагивает тело женщины в оргазме от его щедрых прикосновений. Красота в чистом виде не погружала его в транс. А без транса ему было сложно. Ибо в трансе забывал он о своем изношенном сердце, так и не познавшем истинную взаимную любовь, о своих нереализованных мечтах, о пробитой питием печени, о печальных

попынных песнях птиц перелетных, о падальщиках-партнерах, о перечеркнутом Пути.

Ему не нравилось слышать правду. Оттого он был говорлив. Ему нравилось сначала рассказать о себе чуткому человеку, а потом, видя что тот уже на Пути к его Правде, Доктор кидал ему щедрую порцию слов, кричал, руки его описывали дуги, придуманные ранее открытия выдавались за вновь сделанные, в том числе и при помощи «нового» друга. Новый товарищ, ошарашенный многообразием Доктора-Лектора, Доктора-Физика, Доктора-Друга, молчал, сломленный ураганом слов. Смысл которых был лишь в том, чтобы смыть ранее выданную Правду.

Сильного и истинного друга у него не было. «Мне никто не нужен. Я сам себе и друг, и учитель. Сам себя спасу, сам себя вылечу, сам себя сделаю счастливым, сам себя соберу в стог». В те годы изучения медицины мудрой он познавал себя, окруженный знанием. Вступал с ним в спор, ставил, как великий Тесла, эксперименты над собой и людьми, доверившими ему свои души и тела.

Алкоголь, его Санчо Панса, отступал все дальше. Когда Доктору по старой памяти наливали щедрый стакан водки, который раньше он брал не глядя на борт изношенного лайнера, он улыбался и, хохотнув, отвечал: «Хорош. Буцефал не вынесет двоих».

Пришлось получить формальное медицинское образование. В мире врачей, жадном и мелком, было грустно. Доктор Решил Стать настоящим врачом. Не врагом. Но деньги таяли, как сахар в голодное время.

В те годы усилилась его зависимость от похотливой красоты. Не познав отца, не имея страха перед мужским наказанием, не найдя равного друга, не став новым Ньютоном, он мгновенно погрузился в лоно красивых давалок. Это было наградой за его несбывшиеся мечты. Отражением его чудовищной иррациональной натуры, его изысканной невидимой лени. Его тайного желания быть везде первым. Его постыдной тяги к мелким душам, над которыми он Парил, как Сапсан.

Его внутренний диалог, растущий по мере его знаний, подменил остроту реальных споров. Подпевалы-больные, жаждущие тепла женщины, отдавали ему не только время, но и сердца. И открылась лестница в небеса для Доктора. Не стал переводить текст этой мистической любимой миллионами песни Доктор. Уселся на золотом стуле своих открытий посреди свалки жизни. И, возомнив себя полуБогом, стал принимать решения. Быстрые. Неточные. Красивые. Непродуманные. Впечатляющие. Разрубающие. Серьезные. Фатальные.

«Роди мне детей», — он смотрел на остывающее сладкое тело. Почки в порядке. Живот. Печень. Зубы. Доктор незаметно проводил осмотр. Кончает бурно. Родит легко. Грудь. Он зарылся в этой груди. «Я построю тебе дом. Как дворец. Как храм. Нашей любви». Тело отозвалось ответом, перешедшим в соитие. Феромоны опустошили ум Доктора. Черная змея похоти влезла в рот Доктора, отключила все индикаторы адекватности, боковое зрение, разорвала связи между чувством и мудростью.

Залезла в больное сердце Доктора. И стала медленно и с наслаждением пить по глотку его Большую жизнь. Иногда включая в дело его половые органы, но ровно настолько, чтобы он не задумывался о сути заключенной сделки.

На свалку редко заходили люди. Змея довольно урчала и рожала. Доктор реализовал задуманное. Дом рос как на дрожжах. Расходы тоже. Королевская Кобра требовала все новых жертв. Доктор смеялся про себя.

«Пусть жрет кого угодно. Я ей не по зубам»...

В сумраке утра он ждал звонка. Почему они мне не звонят? Своему отцу. Не звонят. Странное Шипение послышалось Доктору в отблесках его унылой снимаемой комнаты. Послышалось. Выбегая на встречу с Пациентом, который пообещал начать лечить его в поезде, Доктор взглянул в зеркальный экран нового телефона. Ему показалось, что на него смотрят несколько черных маленьких змей. И одна добрая птица-воробышек. Грудь народилась напряжением, кто-то кольнул несколько

раз тупым шилом в мягкое сердце. На экране высветилось имя Пациента. «Поспеш. Времени мало. До поезда». Экран потух. Рептилий не было.

Доктор включил «*The Beatles*». Джон пел песню про Алису. Приветливый воробей сел Доктору на плечо. Поцеловал его. И улетел в фиолетовое небо. В голове пел Джон «*Lucy in the sky with diamonds*». Алиса! Почему ты не со мной? Доктор пождал губы.

И с яростью прошептал про себя: «Я закрою эту сделку. Совсем скоро. *With little help from my friends*».

Доктор? Глава 10

Как Винни Пух был привязан к меду, как девственник привязан к порнофильму, как пенсионер-невежа привязан к таблеткам, так и Доктор был привязан к цифрам. Причем его любовь к цифрам носила безусловный характер. Он, встречая между ними, вскарабкивался на них и радостно кричал: «Это поразительно! Я знаю, что это все объясняет. Цифры живые».

В Докторе, задумчивом и разрушенном, скрывалась Цифра. Она жила в нем. Она требовала внимания. Любви. Ведь цифра — существо женского рода.

А Доктор любил женщин. Любил беззаветно. Глубоко. Проникновенно. Порой Хаотично. Порой деспотично. Но всегда Преданно. И они Предавали его...

Везде. Дома. В вузе. В лаборатории. В командировке.

Они мстили ему за его любовь к жизни. За его юношескую энергию. За его нежелание стареть с ними. За его невозможность быть с ними Навсегда.

А если не навсегда — значит, и мы с тобой не навсегда. Узкие губы, злобные зубы, черные Думы, пустые шхуны, поднятые брови, море без соли, тяжелые женские доли — все чаще в них, своих временных возлюбленных, Доктор видел неприятие его верного, тяжелого похотливого пути. Мало кто видел в нем ребенка. Женского ребенка, выброшенного жесткой жизнью на жернова жалости. К женщинам. Он видел в них нечто большее, чем многие. В их чарующих движениях он ловил особый кайф. В их намеках было столько надежд. Думать о них ночью, в одинокой постели, осветленной синим светом его проклятого одиночества, было его тайной отрадой. В своих дочерях он видел будущих красавиц. Красота — тот капкан, в который он угодил обеими ногами. Это она лишила его разума. Воли. Он сразу сунул туда свои ноги: капкан был на редкость болезненным.

Сначала отказала первая нога. Пальцы на левой ноге, как окруженные солдаты, отказывались повиноваться. Доктор попробовал вырваться, но дурман Красоты вновь обвил его стан и

парализовал его Несравненную Натуру. Он разлагался в капкане Красоты, с каждым месяцем утрачивая Свою природную Красоту, становясь сутулым, медленным, больным, обремененным обмякшими образами отнятой у него мечты. Злорадство проступало на лице его бывших подруг, когда они видели, как он теряет свою Силу. «Будь ты проклят, АД. Почувствуй, как плохо было нам», — шептали они, глядя в свои пустые чашки с кофе.

Злые ведьмы. Они хотели его смерти. И когда, обессиленный, он открыл рот, чтобы лизнуть новой порции радости для своей умирающей плоти, огромная и очень сладкая черная, чернее черного часа, злая змея заползла в его горло и, разломав все его тонкие настройки, впиалась в его сердце, эти женщины Радостно вздохнули. На словах они выражали ему сочувствие, даже якобы пытались ему помочь, а на самом деле давно ждали некролога. Что известный Доктор, подаривший им немало счастья, умер от внезапного обширного инфаркта.

Новые женщины, под его рукой такие кроткие, говорили ему новые слова,

завлекали его в новые ловушки, но Змея через уже порожденных общих детей держала своего Винни Пуха на поводке. Винни пил водку. Орал. Угрожал. Но она знала, что он ручной. Милый. И уже Ненужный. Он потерял Силу. А слова без Силы, за ними стоящими, как нищий в дорогом костюме смердящий. Женщинам была нужна Мощь. Доктор стал Картонным Королем. В Королевстве Кривых Колченогих Кротких Калек. Которые Крыли Краплеными Картами.

Когда змея засыпала, Доктору становилось легче. Когда начинала сосать жизнь — он менялся в лице. Хватался за сердце. И за первого встречного-поперечного. И в его двери уже забредали все кому ни попадя. Блаженные, дурные, больные, странные, смурные, ажурные, амурные, безликие, одурманенные. Только вот никогда Туда не заходили решительные, расчетливые, ровные и ритмичные люди. А как можно положиться на здравый ум того, кого окружают только ущербные да сумасшедшие?

В своем царстве детей Дождя жил Великий Доктор, превратившись из великого человека в великого чудака. И лишь маленькая беззубая девочка Алиса, беззаветно преданная Отцу, никогда не оставляла и не предавала его. Его единственный орден, полученный на Войне Любви. Где он проиграл, но не был лишен регалий. Его погоны, поблекшие и изъеденные изменами, все еще лежали в шкафчике. Вместе с пистолетом. Который Доктор все чаще вставлял в свой рот. Алиса не могла побороться со Змеей. Ибо трудно поднять руку на мать. Даже во имя Отца.

Доктор посвятил женщинам свою Жизнь. Он растратил на них свою огромную силу. Он верил в них. А как же? Ведь они матери! А они договорились и приговорили его к Смерти. Решение было написано на облаках, проплывающих мимо осужденного Доктора. Он ждал исполнения приговора. Тайно. Алиса теребила обшлаг рукава его невзрачной куртки. Доктор ждал. Ждал.

Первого сентября к нему пришел странный парень. Который через 30 дней

знакомства стал его стальным флюгером. Очень тяжелым. Очень несговорчивым. Он бил по голове Доктора наотмашь своими цепкими и очень точными фразами. Вначале он отстрелил от Доктора его замшелость и боязнь публичных выходов. Потом лишил Доктора желаний плохо и неудачно выглядеть. Потом взорвал пяток комплексов Доктора. Через пару недель расстрелял мелкие души, вампиров, потихоньку сосавших время Доктора. Все ближе он подходил к его Тайне. Живущей в его сердце.

«Ты так любишь число одиннадцать! А знаешь почему?» — спросил Пациент. Доктор обрадовался и начал многословно и со вкусом рассказывать, но помрачневший резко Пациент, а у него была способность мгновенно меняться, оборвал его. «Ты просто один. А это первая часть одиннадцати. А вторая — НАД — это я. Я над тобой. Ты ждал меня. Мою руку. И вот мы вместе. Один и Над — а это уже двое. И впереди Двенадцать — чертова Змея. После которой тебя ждут Сила и твое любимое Тринадцать. Давай.

Вперед». — Доктор опять похолодел. Опиь выстрел в десятку. Или в одиннадцать. Или в двенадцать? В нее? В Змею? Цифры закружились в голове у Доктора от молниеносного прозрения. Что-то опять кольнуло. Проснулась, Тварь.

«Но, чтобы убить Змею, нужно прострелить себе Сердце. Сдай его мне на хранение. Ненадолго. А когда ты выздоровеешь, я верну его тебе. Отдохнувшим». — Пациент поставил какую-то волшебную, но тяжелую музыку. «Слушай. Это «*Metallica*». «*Wherever I may roam*». Меня это лечит».

Доктор слышал рифы гитары, и укусы рептилии все меньше трогали его, его глаза оживали. Он с притворной улыбкой спросил Пациента, обколотого его большими иглами: «А ты мне вернешь мое сердце? Ты не обманешь меня? Я стану зависим теперь от тебя, получается?!» — Доктору показалось, что Пациент его не слушает.

«Русские на войне своих не бросают», — с улыбкой сквозь зубы от боли пробормотал Пациент. И врубил

громкость на своем белом всемогущем айфоне.

Доктор? Глава 11

Огромный и неприятный и неприступный замок возвышался в благостном лесу. Солнце стояло в зените. Но над домом солнца не было. От дома пахло чем-то. Сладким и приторным. И как будто испорченным. Так иногда пахнет забродивший компот. Так иногда пахнет от чиновника, который решил не переодевать рубашку, но липкий пот страха от мелкой взятки, которую он хочет и иногда берет, терзает нос.

Из дома иногда выходили люди. Довольные. Серые. Опустошенные. Раз в день приезжала доставка. Пицца и суши. Иногда из дома вырывались утробные звуки, перемешанные с громким и визгливым придуманным смехом. Доставщик пиццы вышел из дома в 11 утра со странным лицом. Оно было обескровленным и обескураженным. Он сел в машину, откинул сиденье и заснул. На сером мраморном балконе в тишине сидели невесть откуда взявшиеся утки. Не очень жирные, но достаточные для того, чтобы их сожрать. Утки сидели с безучастным видом и чего-то ждали.

Наступил вечер. Полная луна освещала крышу дома, похожую на корпус подводной лодки. Из дома вышел мальчик с маленькой коляской и тремя милыми девочками. Самая старшая была уже красивой и статной, но глаза ее хотели только удовольствий, средняя поджала губы и шла вперед, глядя в одну точку, самая маленькая девочка напевала песню и улыбалась навстречу ветру. Мальчик был взволнован, но строг. Он катил коляску перед собой и одновременно что-то писал. В телефоне.

Длинная белая машина стояла на почтительном расстоянии от дома. Дети сели в нее. Атлетичный водитель закурил и флегматично позвонил кому-то. Он долго смотрел на дом, как будто запоминал его. Потом резко и стремительно уехал, не издав при этом ни одного звука.

Свет фонаря осветил лицо разносчика пиццы. Он спал уже 8 часов. Его лицо стало совсем белым. Волосы были гладко причесаны. На шее пониже левого уха чуть заметно виднелась маленькая красная припухлость. Глаза

никак не реагировали на яркий свет, направленный в них. Его мобильный беспрестанно звонил. На экране светилось имя девушки. Приходили СМС. От нее же.

Уток на балконе поубавилось. Осталось две. Вдруг одну из них как будто сдуло ветром, но не на улицу, а в дом. Хотя в этот момент ветер дул в другом направлении. Оставшаяся утка крикнула от неожиданности, но потом, как зомбированная, продолжала сидеть и чего-то ждать.

В 22:30 к дому неслышно приехала оранжевая машина. Из которой вышел человек. Его лица почему-то не было видно. Он взглянул на Луну.

Потом вытряхнул на ладонь несколько коричневых шариков и сразу бухнул их к себе в рот. Он разговаривал с собой. Иногда дергая шей.

На которой было несколько припухлостей, похожих на те, которые были у доставщика в машине. Но они были крупнее и намного старше. Несколько уже покрылись коростой. Мужчина достал из багажника несколько

труб и железную коробку. И начал что-то собирать. Это было чем-то похоже на пылесос, а чем-то на газонокосилку.

Потом он подошел к дому и ровно в 23 часа поднял странный пылесос и выпустил из него очень сильный бесшумный сноп огня.

Деревянные массивные ставни первого этажа запылали сразу и трепетно. На балконе второго этажа стояли большие шкафы. Утка куда-то исчезла. Треск от полированного шкафа прервал монополию тишины. Пламя охватывало все новые фрагменты дома. Окна лопались и пропускали в дом безумный ветер, который гнал пламя в сердце дома. Оранжевое пламя врывалось все сильнее в синее небо, создавая удивительный причудливый дизайн.

Пламя осветило мужчину. Его синяя модная куртка и оранжевые брюки сливались в один ряд с пламенным небом.

Как будто невидимый дизайнер подбирал это в тон.

Дом пылал. Спокойно и со вкусом. Какая-то толстая черная веревка, почти

канат, свесилась с балкона до земли. От каната исходил пар, как будто это было что-то живое. Не покидало ощущение, что кто-то на балконе дергает канат и что-то кричит. Но свет огня озарил балкон — он был пуст и выжжен.

Долго, почти пять минут, мужчина смотрел на канат, а потом поднял к звездам глаза, взял свой пылесос и выпустил по веревке сильный столб пламени. В первый момент канат как будто бросился на мужчину, но сила и скорость огня были так сильны, что через минуту от веревки ничего не осталось. Мужчина еще почти час смотрел на красивый костер.

Потом открыл дверь машины с бездыханным пиццедоставщиком, взял звонящий телефон и ответил: «Приезжайте за ним. Возможно, он в коме. Захватите с собой врача».

Глеющий дом горел быстро. Мужчина кому-то позвонил и уехал. Сполохи огня усиливали его неспешный отъезд.

Доктор напевал под нос какую-то странную песню. Его лицо разгладилось.

Я спросил, как поживает его сердце. Доктор склонился надо мной и без спешки и суеты впервые в жизни чеканно произнес:

«Воин может выкинуть все из своей жизни. За одну минуту. Все и всегда».

Потом снова улыбнулся и как-то обреченно со вздохом и одновременно с радостью выдохнул: «Вот только тебя не могу. Пока. Но ведь нам пока этого не надо? Доктор? Теперь ты Доктор».

И вдруг мы, не сговариваясь, произнесли отрешенно: «Сила и Скорость».

Я врубил «*Dead Can Dance*».

В комнату вошла Алиса. И стала смотреть на меня. Я бы хотел, чтобы за мной смотрела такая дочка.

За мной глаз да глаз.

«Да? Доктор».

Конец